

ВЫШЛА в свет большая книга «Маяковский в воспоминаниях родных и друзей». Редакция книги принадлежит Л. В. Маяковской и А. И. Колоскову. Издательство — «Московский рабочий».

В сборнике немало интересного. Перепечатан ряд забытых, затерянных в периодической печати свидетельств о деятельности великого поэта, о его отдельных суждениях по вопросам литературы и искусства, о его выступлениях в разных городах нашей страны. Даны и некоторые мемуарные очерки, специально написанные для этого сборника. Есть любопытные мемуарные материалы, извлеченные из книг (известного артиста В. Яхонтова, журналиста Н. Потапова и других).

С большим интересом читаются воспоминания родственников поэта: матери — А. А. Маяковской, сестры — Л. В. Маяковской, двоюродного брата — М. Т. Киселева, двоюродной сестры — В. Н. Агачевой-Нанейшвили, людей, знавших будущего поэта в годы его детства и революционной юности, — учителей Н. П. Махарадзе и П. Г. Цулукидзе, юриста П. П. Лидова, Х. Н. Ставракова, И. Б. Карахана... Много любопытных свидетельств найдут читатели в очерках и статьях старого большевика С. И. Аралова, поэтов Н. Тихонова, Педера Хузангая, Тициана Табидзе, Мамеда Рагима и других, художника Н. Денисовского, литературоведа В. Десницкого, актрисы Н. Вачнадзе...

Есть, однако, некоторое противоречие между составом сборника и его названием: в нем мало представлены близкие друзья Ма-

яковского. Если говорить о писателях, произведения которых помещены в сборнике, то, видимо, только Василий Каменский и Симон Чиковани окажутся участниками литературного движения, во главе которого Маяковский стоял в двадцатых годах. В. Каменский был другом поэта еще с дореволюционной поры. С. Чиковани среди грузинских писателей являлся дружески и творчески одним из наиболее близких к Маяковскому.

В заметке «От редакции» говорится, что в сборнике даны воспоминания лиц, «разделявших его (Маяковского. — А. Д.) взгляды». Тут тоже есть некоторая неточность. Всем известна четкая политическая позиция, которую Маяковский занял с первого дня нашей советской эпохи. Уже одно это не позволяет называть единомышленниками Маяковского В. И. и В. Ф. Шухаевых, которые в своих воспоминаниях рассказывают, как они на довольно значительное время ушли из Советской России в эмиграцию. Не желая ни в малейшей мере умалять творческие заслуги художника В. Шухаева или набросить какую-либо тень на чужую Шухаевых, занявших впоследствии свое место в советской культурной жизни, смею, однако, сказать, что они не были ни друзьями поэта, ни его единомышленниками. Сами они на том ни в малой мере не настаивают, и не было необходимости представлять их в качестве таковых.

Разумеется, было бы неверно и вредно замыкать Маяковского только в кругу людей, составлявших его художественное окружение, — связи поэта были всегда очень широкими, поистине народными. Но игнорировать это окружение, — несправедливо.

Нельзя забывать, что Маяковский, несмотря на то, что с некоторыми из товарищей у него бывали серьезные творческие расхождения (как, например, с С. Третьяковым и группой левовцев-фактографов), всегда сохранял добрые чувства к своим товарищам. Нельзя не считаться с тем, что Маяковский ценил и

любил тех, кто был ему творчески близок — таких писателей, как Н. Асеев, С. Кирсанов, В. Шкловский, С. Третьяков, что он дорожил своими связями с В. Мейерхольдом, С. Эйзенштейном, Д. Шостаковичем, Э. Шуб, М. Черемных, А. Родченко, В. Степановой, В. Татлиным, Эль Лисицким, И. Ильинским, что он охотно привлекал к ЛЕФу молодых тогда В. Перцова, П. Незнамова и других.

Предреволюционная пора, когда начал свой путь Маяковский, годы гражданской войны, когда он вошел в пору блестящей творческой зрелости, двадцатые годы — время его могучего поэтического расцвета —

старался, преодолевая те или иные левовские заблуждения, вести за собой творчески близких ему художников. С этим обстоятельством нельзя не считаться.

Само собой разумеется, что Маяковский не укладывается в эстетику и творческую программу ЛЕФа, что ЛЕФ нередко мешал развитию Маяковского. Но нельзя не признавать и того, что в ЛЕФе Маяковский находил и такие контакты — дружеские и творческие, — которые часто были плодотворными для его искусства.

К сожалению, в сборнике «Маяковский в воспоминаниях родных и друзей» не только не учтена сложная и противоречивая

вали опубликования. Но печатать ее в том объеме, в каком она теперь представлена в книге, было явно неразумно. Очерк Е. Лавинской обильно засорен необъективными и безответственными суждениями о людях, которыми дорожил Маяковский, в нем широко представлено — как выражается сама мемуаристка — «непрощенное вторжение в чужую жизнь».

По-видимому, Е. Лавинская, в молодые годы примыкавшая к ЛЕФу, писала свои мемуары в состоянии эмоциональной взвинченности. Об этом свидетельствует преувеличенное внимание к тому, что сама Е. Лавинская однажды характеризует словами о ко-

высказано много несправедливого и вздорного. Например, Н. Асеев — один из самых близких друзей Маяковского — отнесен к категории «друзей» (в кавычках, то есть, видимо, мнимых товарищей). Николаю Асееву мимоходом брошено обвинение не более ни менее как... в цинизме.

Редакция сборника поступила совершенно безответственно, опубликовав суждения Е. Лавинской о Сергее Третьякове. Об этом видно писателе — талантливом очеркисте, поэте, драматурге, публицисте, друге Маяковского и Брехта — говорится прямо-таки с ненавистью. В одном месте о нем можно прочитать даже следующее: «...мрачная тень фанатичного догматика с лицом иезуита». Нельзя читать такое без негодования.

Трудно найти хотя бы одного левовца, которого пощадила бы Е. Лавинская. «Политически неграмотные, теоретически малоразвитые художники — Родченко, Лавинский, Веснин, Семенов...» Многие из порицаемых стандартно обвиняются в потере чувства дистанции по отношению к великому поэту. В. Шкловский во времена ЛЕФа «вряд ли... чувствовал дистанцию». С. Кирсанов утратил «чувство дистанции». У В. Степановой, оказывающейся, «бытовой сторона жизни, то есть чай, игра в мажонг, карты, одним словом, кусочек быта, стерла всякую внутреннюю дистанцию». Между тем именно в воспоминаниях Е. Лавинской (и это должна была заметить редакция) порой отчетливо теряется чувство дистанции по отношению к людям и событиям. Порою проявляется известное непонимание Маяковского, например, когда Е. Лавинская, в сущности, осуждает такой шедевр, как автобиография «Я сам». Об этом произведении высказана весьма странная мысль: «К сожалению, в ней самые серьезные, дорогие Маяковскому воспоминания облеклись в полусерьезную, полуироническую форму».

Нет уж, сожалеть тут решительно не о чем. Маяковский написал автобиографию именно в том «ключе», в каком он ее задумал.

Вряд ли можно согласиться и с высказанным Е. Лавинской соображением, будто «образ поэта создадут люди, которые не знали его лично...». Такое заявление в книге воспоминаний родных и друзей по меньшей мере странно.

Окружение Маяковского было, как известно, неоднородным. Было время, когда некоторые исследователи не замечали идейно-эстетической дифференциации в левовской среде. Это — ошибка. Теперь порой пытаются полностью отделить поэта от его окружения, видеть в этой среде одни лишь пороки и недостатки. Это — другая крайность, также ошибочная.

В воспоминаниях Е. Лавинской и в некоторых мотивах воспоминаний В. И. и В. Ф. Шухаевых обращает на себя внимание стремление самоуверенно рассуждать об обстоятельствах личной жизни поэта, к которым надо подходить с крайней осторожностью. Поэзия Маяковского — поэзия большого сердца. Это сердце принадлежит миллионам людей, и прикасаться к нему нужно бережно и целомудренно. В противном случае можно грубо нарушить последнюю волю Маяковского, написавшего в прощальном письме: «...не сплетничайте. Покойник этого ужасно не любил».

Мемуары, как известно, — жанр субъективный. Но есть и в этом жанре мера субъективности. Просчеты, допущенные при составлении и редактировании сборника воспоминаний о Маяковском, весьма огорчительны. Зачем приумножать ошибки, характерные для вышедшего в свое время сборника «Новое о Маяковском» и справедливого осужденные общественностью? Неужели редакторы книги не подумали о том, что, публикуя материалы, принижающие людей вокруг Маяковского, они невольно принижают самого поэта?

Ал. ДЫМШИЦ

## БЕРЕЖНЕЕ: МАЯКОВСКИЙ!

давно стали историей. А историю, как известно, не следует ни ухудшать, ни улучшать. Ее нужно изучать, исследовать объективно и правдиво, не замалчивая характерных для нее противоречий. Левовское движение, которое в двадцатых годах возглавлял Маяковский, переживало разнообразное творческое трудности. В процессе эволюции ЛЕФа Маяковский не раз был вынужден исправлять теоретические ошибки и творческие заблуждения, которые мешали здоровому развитию этого движения. ЛЕФ, Новый ЛЕФ, РЕФ были как бы этапами нелегкого пути, на котором Маяковский минимум трижды «выправлял» линию этих объединений. Но при всем том Маяковский старался сохранять вокруг себя наиболее близких ему друзей,

история левовского движения, но сделана довольно примитивная попытка опорочить дружеские связи Маяковского с многими его товарищами по литературному и художественному движению двадцатых годов. Так в большом мемуарном очерке Е. Лавинской всячески поносятся (мне трудно найти другое слово для обозначения того, что сделано в этом очерке) многие товарищи поэта по литературной борьбе.

Как сообщается в заметке «От редакции», Е. Лавинская скончалась, оставив после себя рукопись воспоминаний, написанных в 1948 году. В этой рукописи содержатся некоторые интересные свидетельства — прежде всего о выступлениях Маяковского, об удивительной широте и доброте его характера, — которые заслужи-

панье в чужом белье. Она не постеснялась записать множество сплетен о некоторых ныне здравствующих людях, репутация которых была небезразлична Маяковскому, в том числе бросила несколько малопримостных намеков по адресу людей, которые воспитали сотни молодых советских работников кино. Она зачем-то поведала и о «семейных трагедиях» двух своих подруг-художниц не постеснялась сообщить, что одна видная советская художница «сама выбирала... возлюбленных» для своего мужа, также видного советского художника. Нет сомнения, что многие из этих «сенсаций» являются плодом возбужденной фантазии. И публикация их есть прямое нарушение традиций нашей мемуаристики.

В очерке Е. Лавинской